

Харьковскому Губернатору Михаилу Ивановичу
Каховскому.

(22-го сентября 1829 года).

*Милостивый Государь,
Михаилъ Ивановичъ.*

19-го числа сего мѣсяца получилъ я чрезъ земской судъ Богодуховскаго уѣзда, къ которому принадлежу, объявленіе отъ имени Его Высочайшепревосходительства Господина Управляющаго Министерствомъ Юстиціи, чтобы я, поповоду принесеннаго мною (6-го числа Іюля сего года) прошенія, представилъ имѣющіеся у меня документы на дѣйствія мои

¹⁾ Благодѣтельному графу Виктору Павловичу извѣстны частію мои труды по сельскому быту, наукамъ и пр. Отъ Васъ Сіятельнѣйшій князь зависитъ приказать мнѣ сообщить Вамъ все то, что по сей части Васъ интересуеть.

въ отношеніи къ Харьковскому университету, исполняя сіе чрезъ мѣстное Начальство. Почему, долгомъ почитаю немедленно донести Вашему Превосходительству, что 1-е въ упомянутомъ прошеніи я не безъ причины указать осмѣлился на Особу Его Сіятельства Господина Предсѣдателя въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ, Графа Виктора Павловича Кочубея, изъясняя предъ тѣмъ, что оставшіеся у меня доказательства о семъ происшедшемъ по оному предмету, состоятъ въ письмахъ (партикулярныхъ). Единоразъ представивъ просвѣщеннымъ современникамъ и потомству быть моими ходатаями, я до сихъ самыхъ поръ, въ продолженіи болѣе нежели четверти вѣка, не заботился о документахъ официальныхъ. Одинъ, который таковымъ назваться можетъ, и былъ у меня. Это похвальное свидѣтельство, написанное, помнится, въ Сентябрѣ 1802 года въ Харьковѣ, по желанію нѣсколькихъ благородно чувствовавшихъ и едва мнѣ знакомыхъ дворянъ, Сумскимъ отлично просвѣщеннымъ помѣщикомъ, покойнымъ Александромъ Александровичемъ Палицинымъ и подписанное тогда въ Губернскомъ Собраніи (которое полнымъ назвать можно, ибо составилось по Высочайшему дозволенію). Но сіе свидѣтельство имѣлъ я честь въ подлинникѣ представить, помнится въ ноябрѣ 1804 года графу Виктору Павловичу по поводу жалобы на меня Изюмскаго бывшаго предводителя Калустянскаго, принесенной блаженной памяти Государю Императору, изъ которой у сего прилагаю копію съ таковой же находящейся въ архивѣ Слободско-Украинскаго дворянства. Грубая сія жалоба, а особливо замѣченныя въ ней мѣста, да будутъ въ настоящемъ случаѣ первымъ моимъ доказательствомъ: ибо свидѣтельство противника въ томъ самомъ дѣлѣ, искони почиталось важнѣе всѣхъ прочихъ. Вышеупомянутый же документъ съ котораго я не оставилъ ниже копій, замѣняю я теперь прилагаемой у сего копіей съ протокола Богодуховскаго уѣзда дворянства отъ 19-го настоящаго мѣсяца за подписаніемъ г. предводителя уѣзда. Третьимъ документомъ можетъ служить одна изъ моихъ рѣчей, напечатанная покойнымъ Николаемъ Михайловичемъ Карамзинымъ въ Вѣстникѣ Европы 1803 года, августа мѣсяца, начавъ съ 235 страницы. У сего имѣю честь приложить списокъ оной, выпустивъ только лестное для меня замѣчаніе господина Карамзина. Четвертымъ, отношеніе бывшаго статсъ-секретаря тайнаго совѣтника Михаила Никитича Муравьева отъ 12-го ноября 1802 года за № 1924 къ тогдашнему Министру Народнаго Просвѣщенія. Пятымъ, шестымъ, седьмымъ и такъ далѣе до литеры II (къ коей подъ № можно приобщить письмо покойнаго графа Петра Петровича Кановича, отправленное мной къ Его Сіятельству Министру Юстиціи въ одномъ пакетѣ съ моимъ прошеніемъ отъ 6-го іюля сего года будутъ

разныхъ лицъ письма ко мнѣ ¹⁾; хотя партикулярныя, но заслуживающія всякую вѣру и уваженіе, тѣмъ паче, что никому изъ сихъ достойныхъ людей, большею частью уже умершихъ, на мысль имъ не приходило ихъ нынѣшнее, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ употребленіе. Я нарочно предпочелъ такія коихъ содержаніе нравственно доказываетъ, что онѣ не были испрошены. Всѣ онѣ въ хронологическомъ порядкѣ обнаруживаютъ ходъ университетскаго дѣла. Къ дополненію-же исторіи онаго можетъ служить копія съ записки въ концѣ уже 1804 года, врученной мною въ оправданіе мое тогдашнему господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ, которая и должна находиться въ архивѣ сего Министерства, подлинникомъ, вѣроятно вмѣстѣ съ одиннадцатю таковыми же, какъ представляемая мною сія, но едва-ли не въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ письма (ибо я не безъ причины думаю, тогда ихъ предпочелъ) и другими доказательствами. Въ числѣ ихъ вождѣленно было бы для меня возвращеніе похвальнаго свидѣтельства, означеннаго въ онной запискѣ подъ литерою Б. Въ томъ, что пріобрѣтенныя усердіемъ моимъ Харьковскому университету суммы, по крайней мѣрѣ не менѣ показанныхъ мною въ прошеніи 6-го іюля 618 тыс. очевидно изъ приложений В, К, М, О и S₂. Смѣю полагать, что онѣ гораздо болѣе, но можетъ статья не всѣ поступили въ кассу университета; начальство, изъ котораго я долженъ былъ удалиться, такимъ образомъ повело дѣла, такъ умѣло погасить возгорѣвшійся энтузіазмъ пожертвованій, что и дворянскія 400.000 р. на силу внесены въ недавнее время! Два или три именныя повелѣнія нужны были на сей конецъ; въ томъ числѣ одно въ нынѣшнее уже царствованіе. Утверждаю смѣло, что если бы мнѣ позволили продолжать дѣйствовать, то поступили бы милліоны; и университетъ былъ бы давно извѣстенъ въ Россіи и чужихъ краяхъ!.. Частные люди давали въ руки мои по три и по пяти тысячъ рублей, что видно изъ донесеній Министерству Внутреннихъ Дѣлъ (о Аникіевѣ и Хорватѣ) и доказывается не одною бумагою подобною прилагаемой у сего подъ литерою J, въ которой откупщикъ испрашивая не болѣе, какъ то, что ему дано было послѣ чрезъ постороннія средства, предлагалъ въ пользу сего заведенія 100.000 рублей. Ученые греки, которыхъ я предполагалъ привлечь изъ за границы тогда уже замышляя какъ ихъ соплеменникъ, о возрожденіи ихъ, (чему есть доказательства, но онѣ сюда не принадлежатъ) привезли бы намъ большія суммы; и число студентовъ въ Харьковѣ должно бы быть не триста но три тысячи, или около того. Страсть и способность къ ученію полученныхъ Россіянь сопредѣльныхъ имъ славянъ и грековъ не оставляютъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

¹⁾ Одно, подъ литерою Г, писано не ко мнѣ, но обо мнѣ.

Что же послѣ отчужденія моего и въ самомъ горестномъ моемъ положеніи я продолжалъ заниматься (какъ сказано мною въ прошеніи 6-го іюля) дѣлами университета, то имѣю честь доказывать равно какъ и выходившее иногда изъ обыкновенныхъ границъ, но тѣмъ не менѣе полезнымъ признанное мое усердіе по сей части вообще, приложеніями отъ а до и: что (безъ сомнѣнія) побудило одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ мужей своего времени покойнаго товарища Министра и попечителя Московскаго университета и его округа прислать ко мнѣ въ мое уединеніе полгода уже послѣ печальной отставки моей но безъ малѣйшаго моего о семъ искательства, прилагаемый въ подлинникѣ дипломъ на званіе почетнаго члена упомянутаго университета въ выраженіяхъ, смѣю полагать не общихъ.

За симъ, видя справедливость Государственнаго чиновника требующаго отъ меня доказательствъ для пополненія моего послужнаго списка (которая наилучшимъ образомъ обнаруживается чрезъ сіе самое требованіе)! позволеннымъ почитаю для той цѣли представить у сего официальное отношеніе ко мнѣ (за № 5483 1815 г.) управлявшаго военнымъ министерствомъ, князя Горчакова перваго и покойнаго же министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева. Отнюдь не льщусь чтобъ его превосходительство могъ сдѣлать равное употребленіе изъ прилагаемыхъ у сего другихъ бумагъ подъ литерами X² Y² Z¹ Z² подобно какъ приложено было въ пакетѣ отъ 8-го іюля къ господину министру юстиціи мое прошеніе блаженной памяти къ Государю Императору; но съ другой стороны надѣюсь, что онѣ для благороднаго его сердца, равно какъ и для Вашего, милостивый государь, не будутъ казаться совсѣмъ излишними въ семь дѣлъ. Я бы могъ—не доводить такого рода, а гораздо болѣе убѣдительныхъ представить болѣе, но съ злополучной для всего семейства моего ночи 26-го ноября 1820-го года всѣ мои бумаги приведены въ разстройку, и многія изъ нихъ по нынѣ не возвратились.

Оканчивая долженъ я еще прибавить здѣсь на случай если бы кто (всекогда не Вы, и не господинъ управляющій министерствомъ юстиціи) поставилъ въ неаѣпость или въ вину разумѣніе въ числѣ документовъ собственно мною писанныхъ бумагъ, каковы напримѣръ подъ литерами А, Х! что, если бы онѣ заключали въ себѣ пристрастіе и лживость то подлинники ихъ были бы въ свое время постыдно для меня отвергнуты. Но онѣ хранятся въ своихъ мѣстахъ, и мудрое правительство удостоило принять ихъ въ соображеніе: qui tacet, consentire videtur, есть древняя истина! Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Василій Каразинъ.

Село Кручицъ, Богодуховскаго уѣзда 22-го сентября 1829 года.